

Натали Лавру

**ЛИДИЯ.
*ГОЛОВНАЯ БОЛЬ
АКАДЕМИИ***

Книга 2

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Л13

Л13 **Лавру Н.**
Лидия. Головная боль академии. Книга 2 / Натали Лавру – М.: Литнет, 2025.
– 394 с.

ISBN 978-5-521-93468-3

Моё счастье и взаимная любовь вновь накрылись ночным горшком. На этот раз судьба решила удивить нас и обошлась без банальных измен, предательств, недопонимания и ревности. Не-е-ет! Она поиздевалась изощрённо!

Скажите, какова была вероятность, что мой возлюбленный окажется моим братом? Тысячная доля процента! И я, как лохушка из лохушек, угодила в эту жалкую долю!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93468-3

© Литнет, 2025
© Н. Лавру, 2025

Глава 1. Разборки

Лидия

В голове набатом била больная, почти убийственная мысль: «Мы не сможем быть вместе! Мы не сможем быть вместе!»

Утром мне придётся обо всём рассказать Лессару. Каким будет его шок, когда он узнает, что его отец жив и здоров, а вся отеческая любовь досталась мне? Да, мы конкуренты не только в зельевом бизнесе, но и в плане родительской любви. Я побеждаю с большим отрывом, и мне впервые горько это признавать.

Мой папа всегда любил только мою маму, но в юности их насильно разлучили. Мама провела пять лет в обители, а папа в это время скитался, где только мог. И результатом стал Лессар. Затем папу снова понесло к маме, и он бросил жену с сыном. Жену ли? Но это отдельный вопрос.

Меня больше волнует, как можно было обречь на нищенское существование людей, которые зависели от тебя, и тупо свалить?

И по датам всё сходится. Лессару было меньше года, когда он остался без отца.

Чёрт... Мой мир рухнул. Я всегда знала папу как человека вдумчивого, благородного и сострадательного, а оказалось... М-да.

Кажется, наша семья доживает последние дни. Мама, как бы ни любила папу, не простит ему. А я... А мне так больно, что я всё не могу перестать плакать.

Поговорить с папой нужно было срочно, поэтому я отправила ему магвестник с пометкой, чтобы он открыл портал для меня, так как у нас дело жизни и смерти!

Пофиг, что ночь. Пофиг, что я, возможно, обламываю ему жаркое рандеву.

Я не готова изводить себя неведением до утра! Я должна узнать, почему мой родитель так поступил! Причины, заставившие его подло бросить женщину с ребёнком. Женщину, которая любит его до сих пор!

На удивление, портал в нашей с Кэт комнате открылся спустя минут десять после моего запроса, и я, сверкая покрасневшими от истерики глазами, решительно шагнула в него.

К войне готова! Даже если сейчас поломается моя, мамина и папина жизнь, это лучше, чем лживая картинка семейной идиллии. Я не стану врать! Не смогу.

Папа ждал меня в рабочем кабинете, уставший, но внимательно вглядывающийся в меня.

Я сразу перешла к делу:

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – требовательно спросила я у папули, который ещё только начал убирать писчие принадлежности после долгого рабочего дня.

Всегда удивлялась его аккуратности: на его светлом кремово-сером камзоле за весь рабочий день не появилось ни одной потёртости, ни единого чернильного пятнышка! Вот уж кто виртуозно владеет искусством аккуратности.

...и умением бросать любящих его людей без сожаления.

– Что за тон? – папа тут же попытался осадить меня.

– Как ты мог бросить своего ребёнка?

– Лия, ну что за блажь опять залезла тебе в голову? – на меня посмотрели, как на глупышку. – Ничего я тебя не бросал!

Он не понял, о ком я. Не понял, чёрт подери, или мастерски сделал вид!

– Я не про себя!

Тут папулечка переменился в лице, поднялся из-за стола и с крайне возмущённым лицом подошёл вплотную ко мне:

– У меня только один ребёнок. И это ты.

– Тогда как же получилось, что Лессар – мой брат? Он сказал, что его дед по отцу носил фамилию аль Азакорнесс. Удивительное совпадение, да, пап?

– Ничего удивительного. У моего отца, до того, как он встретил мою мать, могли быть другие женщины и дети от них.

– То есть ты хочешь сказать, что Лессар не твой сын?

– Конечно, нет. Мне было четырнадцать, когда я запечатлелся на твоей маме. Тебе ли не знать, что любовь-судьба делает невозможным выбор другого партнёра?

– Точно-точно нет?

– Точно! – прорычал он. – А теперь потрудись объяснить мне, кто такой Лессар, и почему ты в неподобающем для герцогини виде?

Видок у меня действительно ещё тот: не снятая куртка нараспашку и штаны, кофта, мокрая от снега, спутавшиеся волосы, свисающие сосульками. Общую картину дополнял густой запах талого снега и прения, исходящий от меня. Забег по снегам не прошёл даром.

– Мы с Лессаром начали встречаться три недели назад... – охрипшим голосом ответила я. – Я хотела чем-то перекрыть чувства к незнакомцу из моих снов, но и в самом деле влюбилась в Лессара. Он замечательный, мы очень похожи... – начала говорить сбивчиво. – Сначала я не придавала значения нашему сходству, а сегодня он сказал, что у его отца была фамилия аль Азакорнесс.

Папа вздохнул.

– И ты всерьёз думала, что я смог бы бросить своего ребёнка, пусть даже от нелюбимой женщины?

– А что мне ещё было думать? Я чуть с ума не сошла, когда услышала эту проклятую фамилию!

– Лидия, запомни раз и навсегда: я никогда и ни при каких обстоятельствах не поступил бы подобным образом. Ты меня слышала?

– Угу, – уныло кивнула я.

– Что ж, с этим разобрались. Теперь дальше. Я не буду выта-

скивать из тебя артефакт, скрывающий ауру, поэтому скажи мне максимально честно: насколько серьёзны твои чувства?

– Я влюбилась, – поникла головой.

Мне снова захотелось плакать: отчасти от облегчения, что моя семья останется целой, и зря я плохо думала о папе, а отчасти потому, что придётся сделать больно Лессару. Ведь:

– Если у вас заметное внешнее сходство, ты знаешь, что это значит: совпадающие доминантные гены, – озвучил папа.

Увы, знаю, да. Даже если родство не самое близкое, велик шанс появления нежизнеспособного потомства в перспективе. Ибо чем сильнее разнится генетический код, тем лучше.

Я не удержала слёзы, и они снова покатались по уставшим от соли щекам.

– Иди ко мне, – папа обнял меня, и я почувствовала себя шестилетней девочкой, ободравшей колено при падении с велосипеда. – Предлагаю провести экспертизу на вашу совместимость. Вдруг не всё так страшно?

– Я не знаю, как она проводится...

– И я не знаю. Но я слышал, что в эльфийской культуре этот ритуал используется по сей день перед вступлением пары в брак. Я поговорю с твоим дедушкой.

– Что мне сказать Лессару?

– Правду. Только возьми с него клятву хранить наши тайны.

– Ладно, сделаю, – пообещала ему.

– Вот и разобрались. Теперь иди спать, – папа улыбнулся и погладил меня по волосам.

– Не усну...

– Уснёшь. Хочешь, помогу?

– Не надо. У меня в сумке есть снотворное. Маме будем рассказывать?

– Обязательно расскажем, когда со всем разберёмся. Думаю, если она увидит тебя с заплаканным личиком, для неё это будет

стресс, и она примется крушить твоих обидчиков.

Я фыркнула. Очень смешно. И так по-маминому.

Мама у нас этакая бизнесвумен. Под её надзором в герцогстве не потеряется ни одна тонна зерна, все преступники и нарушители будут наказаны. Папулечка же в основном занят выращиванием творения рук своих (точнее, совсем не рук) – меня, поэтому привык к моим проявлениям крайних эмоций.

Как вдруг дверь в кабинет резко распахнулась и ударилась о пяту, являя нам злую маму.

– Значит, вы опять собрались оставить меня в неведении?!

Лидия

Меня принудительно отправили в академию – спать. Как я упала на постель, уже не помню. Зато утренняя побудка застала меня, упревшую в тёплом зимнем костюме.

Жизнь не удалась. Однозначно.

Папуля настолько переключился на разборки с мамой, что не подумал о раздевании моей сонной тушки. Не до мелочей ему было.

– Лия, а ты почему... – Катарина, как обычно, проспавшая все страсти, стояла надо мной белёсой тенью и удивлённо моргала.

– Я разбита... Я никуда не пойду... – простонала ей, вяло пытаясь стянуть с себя прилипшую к телу одежду. А если вспомнить о предстоящем разговоре с Лессаром, то вообще хочется зарыться в землю.

– Ты меня пугаешь, – подруга помогла мне стянуть с себя куртку и штаны. – Что случилось-то?

– Сядь, а то упадёшь, – предупредила её.

Катарина послушно села.

– Лессар мой брат. Двоюродный, но у нас одинаковые доминантные гены, поэтому...

– Ох, Лия, мне так жаль... О, богиня, это просто... просто кошмар! – Кэт, вечно принимающая всё близко к сердцу, засверкала слезами в светло-серых глазах и обняла меня.

И мне стало чуточку легче.

– До построения десять минут, – вскоре отстранилась она, так как знала, что телячьи нежности не в моей натуре. – Ты уже не успеешь в душ.

Да. Бытовая магия мне в помощь. Я, конечно, не очень-то владею ею, но формулировки заклинаний помню.

Надо ли говорить, что после просушки моя одежда встала колом? Хорошо хоть волосы я расчесала вручную, а не магией.

Так, преодолевая сопротивление огрубевшей одежды, я неслась на построение, но была ловко перехвачена сильными мужскими руками.

– Теперь не убежишь! – Лессар крепко обнял меня сзади, прижал к себе и щекотно поцеловал в шею. – Поговорим. Прямо сейчас.

– Но...

– Пропустим тренировку, – перебил он меня и крикнул ждущей меня неподалёку Катарине: – Беги одна! Скажи Грейтону, что у Лидии недомогания.

Кэт вопросительно посмотрела на меня, и я вынуждена была кивнуть ей.

Лессар прав: лучше поговорить сейчас. Чем дольше откладывать – тем сильнее накручу себя.

Пока я собирала по крупицам моральные силы для решающего разговора, Лессар уверенно вёл меня к себе в комнату.

– Тебя уже допустили к тренировкам? – спросила я, потому что было как-то неловко идти молча.

– Да. Утром меня выпнули из лазарета. Сказали, здоров.

– Что нам будет за пропуск тренировки?

– Отработка после занятий. Но я поговорю с твоим куратором, чтобы отмазал тебя.

– А он прислушается?

– Альфред мой постоянный клиент. И в целом он неплохой парень. Так что тебе не о чем волноваться.

Парень-то он, может, и неплохой где-то глубоко в душе, но гоняет нас так, будто жаждет нашей мучительной смерти. Ну, или своей – от рук доведённых до иступления адептов. В остальном Альфред Грейтон душка.

Но думалось сейчас вовсе не о кураторе. Потому что коридор перед глазами летел, и дверь в комнату Лессара приближалась.

А у меня всё нутро перевернулось и застыло вверх тормашками. Ещё несколько шагов... И меня, как на убой, заводят внутрь.

– Лия, ну, что с тобой такое? – Лессар снова прижался ко мне, поглаживая талию и спину, желая расслабить моё напряжение. – Ты так боишься первой близости?

О, боюсь! Но не близости, а рассказать тебе правду.

– Лессар, мы... – и тут мой голос предательски осип.

– Глупышка моя, это совсем не то, чего стоит бояться, – улыбнулся он и потянулся к моим губам. – Тебе понравится. Обещаю.

– Мы расстаёмся! – я рывком высвободилась из его объятий.

Теперь уже замер статуей Лессар. И меня корёжило от осознания, что сейчас я сделаю больно ему.

– Почему? – и тяжёлый, как айсберг, взгляд на меня.

– Мой отец тоже носил фамилию аль Азакорнесс... – тихо призналась ему.

– Ты шутишь? – Лессар отмер, заметался туда-сюда по комнате, затем сел на кровать и схватился за голову. – Как такое возможно? Я точно знаю, что мой отец погиб. Матери принесли похоронку с фронта и компенсацию. Тела военных сжигались на месте гибели, чтобы те не превратились в гулей, но... если бы выжил, он вернулся бы к нам. Он погиб до того, как тебя зачали.

– Наши отцы братья. Поэтому мы с тобой так похожи. Сам понимаешь, что это значит. Я... Я и подумать не могла, что такое может

быть, – и тут моя истерика снова прорвалась сквозь толщу самоконтроля.

Лессар сжал меня в объятиях, теперь уже без намёка на интимную близость. Сколько мы просидели вот так в обнимку в не слишком удобных позах, я не знаю, но у меня успела затечь левая нога.

– Знаешь, за ночь я перебрал всевозможные причины твоего бегства. Ни на минуту не сомкнул глаз, всё разбирал в уме сказанные тебе слова и не мог понять, чем же тебя обидел. Но мне и в голову не пришло, что мы родственники, – он процитировал Лессар слова гадалки из Нортмора: – «Счастье к тебе пришло! Родственная душа, что за тобой и в огонь, и в воду! Любовь, чистая и верная. Да только это не то, что ты думаешь, а другое!»

– Да уж. Такое «счастье», что хочется плакать, – горько усмехнулась я. – Как звали твоего отца?

– Делиас. А твоего?

– Э-эм... Прежде чем рассказать тебе о папе, я обязана взять с тебя клятву о неразглашении.

Лессар кивнул, достал из голенища кинжал, полоснул им себе по ладони и произнёс:

– Клянусь, что ни словом, ни знаком, ни намёком не выдам вашу тайну, пока она является таковой. Буду молчать о ней под страхом смерти.

Порез засветился и зажил. Лорена приняла клятву.

– Моего отца зовут Лиссабиниэль. Сейчас он носит фамилию де Фиарби.

Теперь настала очередь Лессара подсакивать, будто его ошпарили.

– Так ты... Ты... Вот почему...

Что «ты» и «почему», я не поняла, но постаралась ответить просто и без высокопарных речей:

– Я наследная герцогиня Лидия де Фиарби. Но я не пользуюсь своим положением и материальными возможностями моих родителей.